

□ Б.Васильев. «А зори здесь тихие». Тема трагической судьбы женщины на войне

«О войне он умел писать через правдиво»

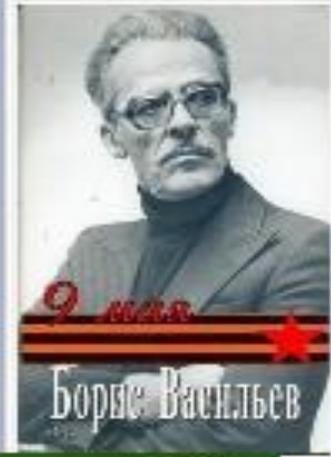
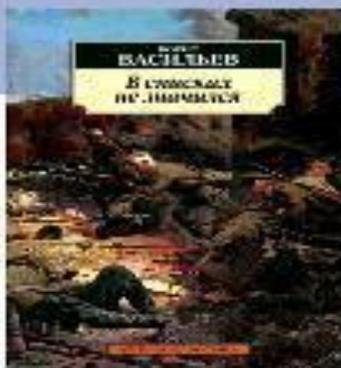
Смоленскъ.—Smolensk № 25.
Видъ съ собора на Смянную гору.

- **Борис Васильев** родился 21 мая 1924 года в Смоленске.
- Отец - Васильев Лев Александрович (1892 г. рожд.), кадровый офицер царской, впоследствии - Красной и Советской армии.
- Мать - Алексеева Елена Николаевна (1892 г. рожд.), из известного старинного дворянского рода, связанного с именами Пушкина и Толстого, с общественным движением XIX века; ее отец и дядя были организаторами народнического кружка «чайковцев» ...

РЕДАКЦИЯ

Он писал о жизни правду.

Его книги – это исповедь целого поколения,
исповедь, полная боли,
горькой памяти и гордости от того,
что осилили и сумели все пережить.

Книги Б.Васильева...

▪ Рано проявившиеся у **Бориса Васильева** **увлечение историей** и **любовь к литературе** проявилось еще со школьных лет. Участь в воронежской школе, он играл в любительских спектаклях, выпускал вместе со своим другом рукописный журнал. Когда окончил 9-й класс, началась война...

«Борис Васильев – участник Великой Отечественной войны, затем – кадровый военный и потому солдатскую долю испил до конца»

А.Демин

- Борис Васильев ушел на фронт добровольцем в составе истребительного комсомольского батальона и 3 июля 1941 года был направлен под Смоленск.

- Попал в окружение, вышел из него в октябре 1941 года; потом был лагерь для перемещенных лиц, откуда по личной просьбе он был направлен сначала в кавалерийскую полковую школу, а затем в пулеметную полковую школу, которую и окончил.

«Он всю жизнь шел вслед за своей женой Зорей Альбертовной, которая однажды вывела его с минного поля. Он выходил с него, идя за ней след в след ...»

писателей

Секретарь Союза

Москвы, близкий друг семьи

Васильевых Т. Кузовлева

Писатель с любимой женой...

**«Меня ведут мои
герои и жена Зоренька...»**

Борис Васильев

Зоря Поляк (Васильева)

▪ **Осенью 1943 года** Борис Васильев поступил в Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И.В. Сталина (впоследствии имени Р.Я. Малиновского), где встретил свою будущую жену **Зорю Альбертовну Поляк**, которая училась в той же академии, ставшую его постоянной спутницей.

С ней Борис Львович прожил долгие счастливые годы и так и не смог смириться с утратой любимой жены, ушедшей из жизни двумя месяцами раньше...

«Прекрасно помню, как впервые познакомилась с творчеством Бориса Львовича. Это был 1969 год, и в журнале «Юность» вышла его повесть о Великой Отечественной войне «А зори здесь тихие...»

Писатель и литературовед

- После окончания в 1946 году инженерного факультета он работал испытателем колесных и гусеничных машин на Урале. Уволился из армии в 1954 году в звании инженер-капитана. В рапорте назвал причиной своего решения желание заниматься литературой.

Начало

литературной деятельности
оказалось для писателя
полным непредвиденных
осложнений...

Постер фильма

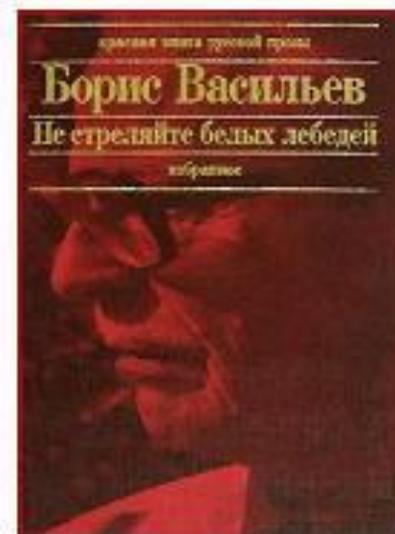
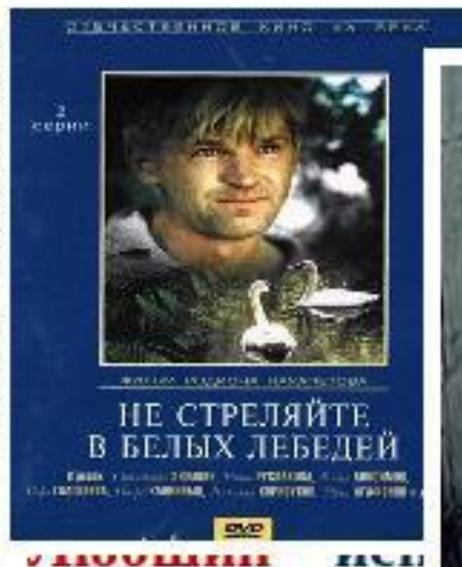
▪ Несмотря на неудачи, Борис Васильев не бросает драматургию: его пьеса «Стучите и откроется» в 1955 году поставлена театрами Черноморского флота и Группы войск в Германии. Одновременно по приглашению известного драматурга Н.Ф. Погодина - руководителя журнала «Театр» он посещает сценарную студию при Главкино, в результате чего по сценариям Васильева были поставлены кинофильмы «Очередной рейс» (1958), «Длинный день» (1960) и др. И все же кинематографическая судьба его складывалась далеко не безоблачно ...

А зори здесь тихие...

▪ Именно с повести «А зори здесь тихие...», получившей огромный читательский резонанс, писательская судьба Бориса Васильева начала неуклонно набирать высоту. «Зори...» многократно переиздавались и переиздаются вплоть до нынешнего дня, претерпели множественные музыкальные и сценические интерпретации, по ним был снят в 1972 году одноименный фильм, удостоенный многих премий, в том числе Государственной премии СССР.

Не стреляйте в белых лебедей ...

▪ Роман «Не стреляйте в белых лебедей» (авторское название «Не стреляйте белых лебедей» - «Юность», 1973, № 6-7), перекликающийся по нравственной направленности со многими васильевскими произведениями, занимает в творчестве писателя особое место.

«едоносца» -
непутёвого Егора Полушкина

Борис Васильев – член Комиссии при Президенте Российской Федерации по правам человека....

▪ В конце 1980-х годов Борис Васильев активно участвует в общественно-политической жизни: он депутат I Съезда народных депутатов СССР, член Комиссии съезда по расследованию событий 1989 года в Тбилиси. В том же году он выходит из КПСС, в которой состоял с 1952 года. Однако довольно скоро оставляет политику, считая, что писатель должен заниматься своим прямым делом. Но в 2002 году вновь оказывается общественно востребованным - становится членом Комиссии при Президенте Российской Федерации по правам человека.

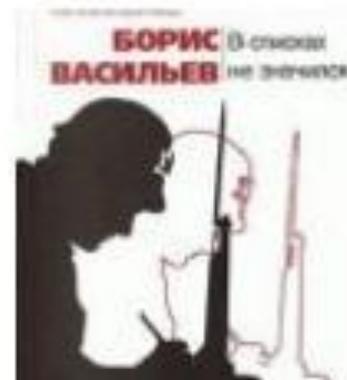

**Лауреат российских и зарубежных
литературных премий, академик Российской
академии кинематографии Борис Васильев**

Борис Васильев - лауреат Государственной премии СССР...

Борис Васильев - лауреат Государственной премии СССР, премии Президента России, Независимой премии движения имени академика А.Д. Сахарова «Апрель», международной литературной премии «Москва-Пенне», премии Союза писателей Москвы «Венец», Российской академии кинематографических искусств «Ника» - «За Честь и Достоинство».

Борис Васильев – член Союза писателей...

▪ Член Союза писателей Москвы и Союза кинематографистов России, академик Российской академии кинематографических искусств «Ника». Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Дружбы народов, многими медалями.

▪ Более 30 повестей и романов, созданных Борисом Васильевым, навсегда останутся классикой русской литературы.

«Он был голосом совести...»

Автор повести «А зори здесь тихие» не дожид до 90-летия год с небольшим

В понедельник, 11 марта 2013 года,

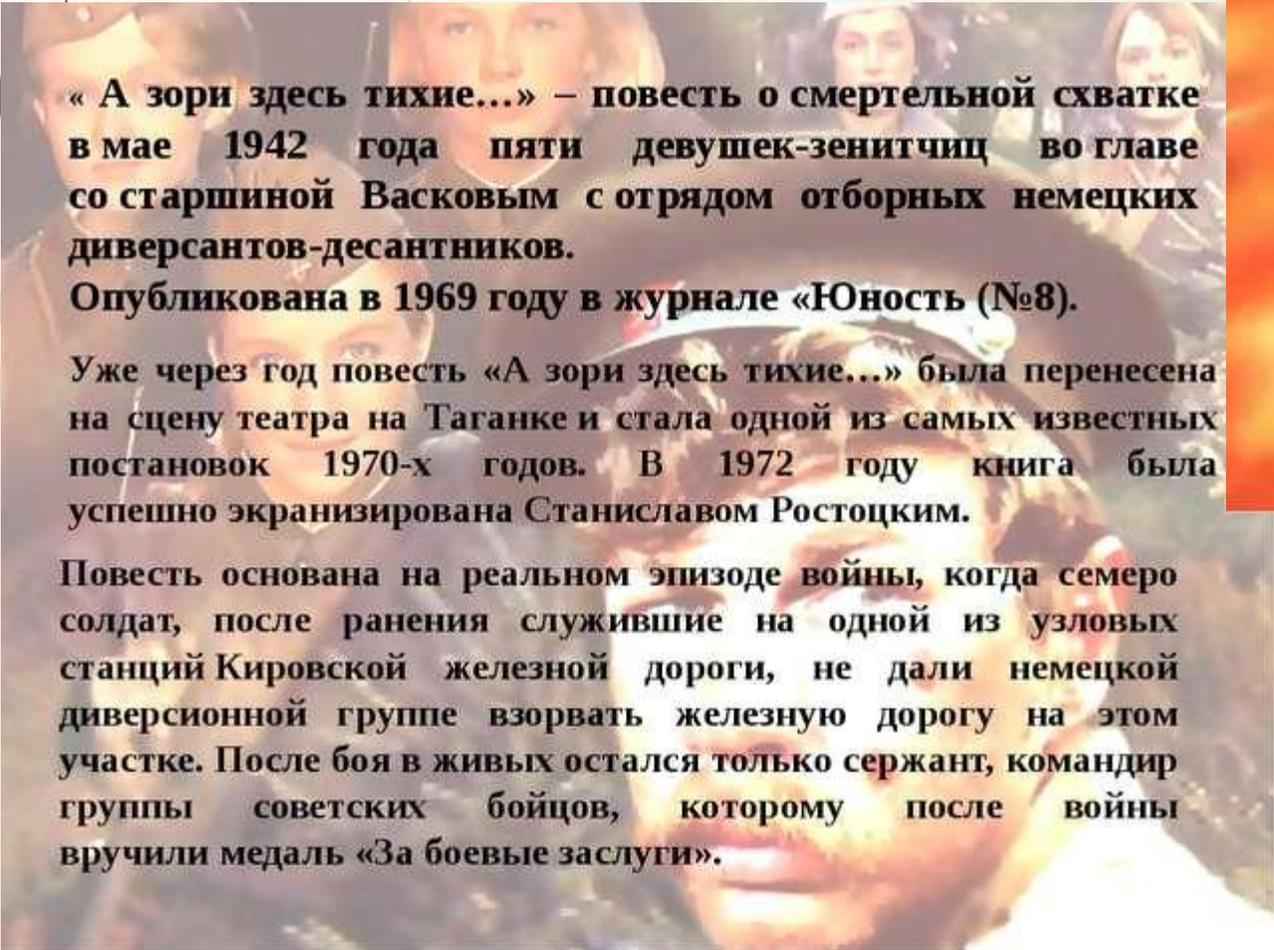
не стало

Бориса Львовича Васильева ...

По сценариям и книгам Б.Л. Васильева снято 15 кинофильмов...

4V

« А зори здесь тихие...» – повесть о смертельной схватке в мае 1942 года пяти девушек-зенитчиц во главе со старшиной Васковым с отрядом отборных немецких диверсантов-десантников.

Опубликована в 1969 году в журнале «Юность» (№8).

Уже через год повесть «А зори здесь тихие...» была перенесена на сцену театра на Таганке и стала одной из самых известных постановок 1970-х годов. В 1972 году книга была успешно экранизирована Станиславом Ростоцким.

Повесть основана на реальном эпизоде войны, когда семеро солдат, после ранения служившие на одной из узловых станций Кировской железной дороги, не дали немецкой диверсионной группе взорвать железную дорогу на этом участке. После боя в живых остался только сержант, командир группы советских бойцов, которому после войны вручили медаль «За боевые заслуги».

«Замысел повести родился от «толчка памяти». На фронт я попал, едва окончив 10 класс, в первые дни войны. Точнее 8 июля 1941 года. А 9 июля, было это под Оршей, мы, бойцы комсомольского истребительного батальона, задачей которого была борьба с диверсантами, вышли на своё первое задание в лес. И вот там, среди живой зелени лесной поляны, такой мирной в своей тишине, ароматах нагретой солнцем хвои и трав, я увидел двух мёртвых деревенских девчушек. Фашистские десантники убили их потому, что девочки просто увидели врага...

Я потом повидал немало горя и смертей, но этих незнакомых девочек забыть никогда не мог». (Б. Васильев)

«Надо иметь в виду, что речь идёт о немецких десантниках 1942 года, об опытных, отлично вооружённых солдатах, тогда ещё не сдавшихся в плен. Чтобы их остановить, нужно было платить жизнью советских людей. А здесь против них всего один старшина и пять неопытных девчонок». (Б. Васильев)

На 171-м разъезде...

«Молчит его гвардия. Пыхтит, ойкает, задыхается. Но лезут. Упрямо лезут. Зло». «Гнал он девчат своих ходко..., но девахи ничего, не сдавались, покраснелись только. Бежал, пока у самого дыхания хватало».

Лиза Бричкина

Коренастая, плотная, здоровая, “лесная” красавица. «Все девятнадцать лет прожила [она] в ощущении завтрашнего дня. Каждое утро ее обжигало нетерпеливое предчувствие ослепительного счастья, и каждый раз выматывающий кашель матери отодвигал это свидание с праздником на завтрашний день. Не убивал, не перечеркивал – отодвигал». «...жизнь была понятием реальным и ощутимым. Она скрывалась где-то в сияющем завтра и пока обходила стороной этот затерянный в лесах кордон, но Лиза знала твердо, что жизнь эта существует, что она предназначена для нее и миновать ее невозможно, как невозможно не дожидаться завтрашнего дня. А ждать Лиза умела...» «Но началась война, и вместо города Лиза попала на оборонные работы. Все лето рыла окопы и противотанковые укрепления... Поздней осенью она оказалась где-то за Валдаем, прилепилась к зенитной части и поэтому оказалась на 171-м разъезде...»

«Она почти никогда не плакала, потому что была одинока и привыкла к этому, и теперь ей больше всего на свете хотелось, чтобы её пожалели. Чтобы говорили ласковые слова, гладили по голове, утешали и — в этом она себе не признавалась — может быть, даже поцеловали. Но не могла же она сказать, что последний раз её поцеловала мама пять лет назад и что этот поцелуй нужен ей сейчас как залог того прекрасного завтрашнего дня, ради которого она жила на земле».

Довоенная жизнь

«Жуткий одинокий крик долго звучал над равнодушным ржавым болотом. Взлетал к вершинам сосен, путался в молодой листве ольшаника, падал до хрипа и снова из последних сил взлетал к безоблачному небу. Лиза долго видела это синее прекрасное небо. Хрипя, выплевывала грязь и тянулась, тянулась к нему, тянулась и верила. Над деревьями медленно всплыло солнце, лучи упали на болото, и Лиза в последний раз увидела его свет – теплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для нее...».

Соня Гурвич

“Очень велик был на фронте процент интеллигентных девушек, студенток. Чаще всего – первокурсниц. Для них война была самой страшной. Где-то среди них сражалась и моя Соня Гурвич”.

Серьезное личико, умные пронизательные глаза. Незаметная и исполнительная. В Минске она жила в очень дружной и большой семье: дети, племянники, бабушка, незамужняя мамина сестра, еще какая-то дальняя родственница – все в одной квартире. Соня после 10 класса уехала в Москву, поступила в университет. «...вместо танцев бегала в читалку и во МХАТ, если удавалось достать билет на галерку». Однажды она заметила, что сосед по парте совсем не случайно пропадает вместе с ней в читальном зале. «А через пять дней после их единственного и незабываемого вечера в Парке культуры и отдыха друг подарил ей тоненькую книжечку стихов Блока и ушел добровольцем на фронт». Осталась ли в живых семья, Соня не знала. В зенитчицы она попала случайно. «Фронт сидел в глухой обороне, переводчиков хватало, а зенитчиц – нет». Вот ее и откомандировали в зенитную часть.

Довоенная жизнь

«Соня тускло смотрела в небо полузакрытыми глазами. – Отличница была, – сказала Осянина. – Круглая отличница – и в школе и в институте. – Да, – покивал старшина. – Стихи читала. А про себя подумал: не это главное. А главное, что могла Соня детишек нарожать, а те бы – внуков и правнуков. А теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...».

Галия Четвертак

Галия была подкидышем, «и даже фамилию ей в детском доме дали Четвертак потому, что меньше всех ростом вышла...» Галия прилежно занималась, «возилась с октябрятами и даже согласилась петь в хоре, хотя всю жизнь мечтала о сольных партиях, длинных платьях и всеобщем поклонении». «Война застала Галию на третьем курсе, и в первый же понедельник вся их группа в полном составе явилась в военкомат. Группу взяли, а Галию нет, потому что она не подходила под армейские стандарты ни ростом, ни возрастом. Но Галия, не сдаваясь, упорно штурмовала военкома и так беззастенчиво врала, что ошалевший от бессонницы подполковник окончательно запутался и в порядке исключения направил Галию в зенитчицы».

«Осуществленная мечта всегда лишена романтики. Реальный мир оказался суровым и жестоким и требовал не героического порыва, а неукоснительного исполнения воинских уставов».

«А что до трусости, так её не было. Трусость, девчата, во втором бою только видно. А это растерянность просто. От неопытности».

«Она всегда жила в воображаемом мире активнее, чем в действительном, и сейчас хотела бы забыть все, вычеркнуть из памяти, хотела – и не могла. И это рождало тупой, чугунный ужас, и она шла под гнетом этого ужаса, ничего уже не соображая».

«– Коротко ударил автомат... Последний крик ее затерялся в булькающем хрипе.... Замерло все на поляне. На секунду какую-то замерло, точно во сне».

«Действительность, с которой столкнулись женщины на войне, была много труднее, чем всё, что они могли себе придумать в самую отчаянную пору своих фантазий. Трагедия Гали Четвертак об этом». (Б. Васильев)

Женя Комелькова

Высокая, светловолосая, белокожая. Чрезвычайно общительная и озорная. То в перерыве цыганочку спляшет, то вдруг роман рассказывать начнет – заслушаешься. Глаза детские: зеленые, круглые, как блюдца. Красивая...

«— Ой, Женька, тебя в музей нужно! Под стекло на черном бархате...

— Несчастлиная баба! — вздохнула Кирьянова. — Таковую фигуру в обмундирование паковать — это ж сдохнуть легче.

— Красивая, — осторожно поправила Рита. — Красивые редко счастливыми бывают».

Довоенная жизнь

«Женька не расстраивалась. Она вообще никогда не расстраивалась. Она верила в себя и сейчас, уводя немцев от Осяниной, ни на мгновение не сомневалась, что все окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умирать в девятнадцать лет... А немцы ранили её вслепую...и она могла бы затаиться, переждать... Но она стреляла, пока были патроны...И немцы добились её в упор, а потом долго смотрели на её и после смерти гордое и прекрасное лицо...».

Рита Осянина

Строгая, не засмеется никогда, только что поведет чуть губами, а глаза по-прежнему серьезными остаются. Вдова она. Из всех довоенных событий Рита ярче всего помнила школьный вечер: встречу с героями-пограничниками.

«Риту хотели отправить в тыл, а она просилась в бой. Её гнали, силой запихивали в теплушки, но настырная жена заместителя начальника заставы старшего лейтенанта Осянина через день снова появлялась в штабе укрепрайона. В конце концов взяли санитаркой, а через полгода послали в полковую зенитную школу. А старший лейтенант Осянин погиб на второй день войны в утренней контратаке».

Начальство ценило не улыбку вдову героя-пограничника: отмечало в приказах, ставило в пример и поэтому уважило личную просьбу – направить по окончании учебы на тот участок, где стояла застава, где погиб муж в яростном штыковом бою. Теперь Рита могла считать себя довольной: она добилась того, чего хотела. Даже гибель мужа отошла куда-то в самый дальний уголок памяти: у Риты была работа, а ненавидеть она научилась тихо и беспощадно.

Довоенная жизнь

«Наискось прошел осколок...»

«А потом и слезы пропали. Отступили перед тем огромным, что стояло сейчас перед ней, с чем нужно было разобраться, к чему следовало подготовиться. Холодная черная бездна распаивалась у её ног, и Рита мужественно и сурово смотрела в неё».

«Он скорее почувствовал, чем расслышал этот слабый, утонувший в ветвях выстрел».

старшина Васков

«...словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфович Васков, был её последним сыном и защитником».

«Был он с нами всегда суров, очень мы его невзлюбили. Шла война. И старшина готовил из нас солдат. Поэтому и воспитывал жестокость. И когда потом ко мне приходило молодое поколение, я невольно подражал старшине. Понял: командир должен нести ответственность за судьбы людей. И потому необходимы и порядок, и дисциплина, а неопытному взгляду видится за ними суровость». (Б. Васильев)

«Слезы текли по грязному, небритому лицу, он трясся в ознобе, и смеялся сквозь эти слезы, и кричал: — Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, лично, даже если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..»

«Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой размахивал старшина. Просто подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один-одинешенек. Не вмещалось это понятие в фашистские их мозги, и потому на пол легли. Мордами вниз, как велел. Все четверо легли: пятый, прыткий самый, уж на том свете числился».

«Женщина для меня — это воплощённая гармония жизни. А война всегда дисгармония. И женщина на войне — это самое невероятное, несочетаемое сочетание явлений. А наши женщины шли на фронт и воевали на передовой рядом с мужчинами».

Борис Васильев

